

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Эрнст фон Вайцеккер

ПОСОЛ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

**ВОСПОМИНАНИЯ
НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТА**

1932–1945

Эрнст фон Вайцзеккер
**Посол Третьего рейха.
Воспоминания немецкого
дипломата. 1932-1945**

«Центрполиграф»

фон Вайцеккер Э.

Посол Третьего рейха. Воспоминания немецкого дипломата.
1932-1945 / Э. фон Вайцеккер — «Центрполиграф»,

В книге представлены воспоминания германского дипломата Эрнста фон Вайцеккера. Автор создает целостную картину настроений в рядах офицерства и чиновников высших государственных структур, а также детально освещает свою работу в Лиге Наций, ведет летопись постепенной деградации общества после победы Гитлера. Высказываясь по всем важнейшим событиям политической жизни, опытный дипломат дает яркие характеристики Риббентропу, Гессу, Гитлеру, с которыми близко общался; его точные зарисовки, меткие замечания и отличная память помогают восстановить подлинную атмосферу того времени.

Содержание

ДЕТСТВО (1882 – 1900)	6
СЛУЖБА В МИРНОЕ ВРЕМЯ В ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ (1900 – 1914)	8
ВОЙНА (1914 – 1918)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эрнст фон Вайцзеккер
Посол Третьего рейха
Воспоминания немецкого дипломата
1932 – 1945

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ДЕТСТВО (1882 – 1900)

Рассказывают, что, когда я родился, мой отец воскликнул: «Начинается серьезная жизнь, Эрнст!» Поскольку я был вторым сыном, мои родители сразу же решили меня назвать Эрнстом. Тогда, в начале восьмидесятых годов, мой отец занимал должность всего лишь младшего чиновника в Вюртембергском департаменте юстиции и зарабатывал жалкие гроши, но, похоже, нас это вполне устраивало.

Моя семья жила на улице Александра, дом двадцать, совсем рядом с местами, описанными в начале стихотворения Шиллера «Прогулка», – домом в предместье Штутгарта, откуда открывался вид на всю долину. В доме всегда имелось достаточно еды, так что однажды королева Вюртемберга (Вюртемберг был в 1871 году включен в Германскую империю на правах королевства, существовавшего до 1918 года. – *Ред.*) остановила нашу няню Луизу Шеллинг, гулявшую со мной в саду, чтобы спросить у нее: «Чем же вы кормите это дитя?»

Луиза, как мы всегда называли ее, была дочерью крестьянина из Нерена близ Тюбингена и относилась к тем людям, кто воспринимает мир в категориях добра и зла. Она прожила в доме моих родителей сорок два года и нянчила меня с самого начала, за что следует воздать должное как ей, так и моей матери. Всем сердцем она согласилась с моим выбором жены, но покинула наш дом, как только объявили о нашей помолвке.

Вспомню еще об одном моем преданном друге. На первом этаже нашего дома на улице Александра жил мальчик моего возраста по имени Куно Пробст. Его семья относилась к ревностным католикам, поэтому с раннего возраста мы привыкли уважать чувства тех, кто придерживается иного вероисповедания. Когда в 1915 году Куно был убит на русском фронте, оказалось, что он завещал нашему сыну Карлу Фридриху 200 марок, которые следовало выплатить по достижении совершеннолетия. Так что и спустя много лет Куно продолжал оставаться нашим добрым старым приятелем.

Когда я был ребенком, дифтерия считалась одним из самых опасных заболеваний, ибо сыворотку для ее лечения еще не открыли. Один из моих товарищей даже умер от этой болезни, и сам я тоже заболел. Доктор посчитал, что я уже приговорен, но моя мать не смирилась с этим. Я до сих пор отчетливо помню, как она не отходила от моей кровати, наблюдая за мной и заставляя полоскать горло. В конце концов она оказалась права и я выздоровел.

После двух лет пребывания в начальной школе я отправился в грамматическую школу, или Гимназию Людвиг Эберхарда. Она считалась одной из самых уважаемых в Вюртемберге. Наверное, Цицерон, Цезарь и Гораций заплакали бы от умиления, узнав, с каким прилежанием вбивались их сохранившиеся творения в наши юные швабские головы. Однако сам я никогда не жалел о затраченных мною усилиях, даже находясь в совершенно иной среде и проходя службу в военно-морском флоте, где стал заниматься точными науками и современными языками.

Путь в нашу школу пролегал через Старый и Новый замки. Поэтому четыре раза за день и примерно десять тысяч раз за всю мою школьную карьеру я оказывался в центре нашего маленького государства. Популярность короля Вильгельма Вюртембергского была поистине всенародной. В связи с его двадцать пятым юбилеем социал-демократы написали в своей газете *Stuttgarter Tagwacht*, что, хотя в принципе они являются сторонниками республики, тем не менее, если бы им предоставили право выбора, они оставили бы нашего короля в качестве президента.

Нам же, школьникам, было известно, что существует и парламент, поскольку мой дед Вайцзеккер в течение многих лет исполнял обязанности канцлера Тюбингенского университета и представлял университет во второй палате парламента в Штутгарте.

Наш дед был сыном священника из Эрингена и зятем пастора из Дерендингена, что в окрестностях Тюбингена, и сам был богословом и евангелистским священником. Правда, в семейном кругу он никогда не проявлял свои религиозные убеждения. Внуки проводили с дедом каждое лето, наслаждаясь оказываемым ему окружающими почтением.

В памяти моей матери сохранилось много воспоминаний о Тюбингене, поскольку ее отец, Виктор фон Мейбом, был профессором права в университете. Поскольку он происходил из Гессен-Касселя, а учился в университете в Ростоке, ему вряд ли предложили бы кафедру в Швабском университете, если бы уже тогда фон Мейбом не прослыл выдающимся ученым. В 1866 году мои деды придерживались одинаковых политических взглядов, в глубине души ни тот ни другой не был на стороне Австрии и поддержавших ее в войне против Пруссии государств Южной Германии (войну Австрия проиграла, и гегемония среди германских государств перешла к Пруссии. – *Ред.*). Именно в Тюбингене и познакомились мои родители.

Итак, начиная наше повествование, заметим, что мир в те годы вращался для нас вокруг Штутгарта и Тюбингена, нашего маленького столичного городка, и находящегося в нем университета.

В нашей семье слово отца было законом, и я охотно подчинялся его веселой высшей мудрости. Он часто оживлял разговор своими едкими замечаниями о поведении людей, усиленными его швабским диалектом. Главным событием юности отца было основание Империи. Поэтому в семье ежегодно отмечалась годовщина боя при Шампиньи-сюр-Марн, близ Парижа, где в декабре 1870 года моего отца ранили и даже оставили на поле боя, считая умершим. Несмотря на случившееся, он не испытывал ненависти по отношению к французам и часто приводил слова женщины, в чьем доме его разместили на постой: «Oh, quel malheur pour nous et pour vous et pour tout le monde!» {Какое же несчастье для нас, для вас и для всего мира эта война! (*фр*) (*Здесь и далее примеч. пер.*)}

Мой дед Вайцзеккер также приветствовал образование Германской империи (с 1871 года) как исполнение его желаний. Но для нас, его детей, выросших в Штутгарте, империя всегда воспринималась как нечто незыблемое. Среди книг нашей библиотеки, уничтоженных во время английских бомбардировок в 1943 году, был один из первых экземпляров Гражданского кодекса 1900 года, поскольку мой отец участвовал в создании этого документа, утвердившего немецкое единство.

Неуклонно приближалось время, когда мне следовало выбрать будущую карьеру. Почему я, человек глубоко сухопутный и несведущий в морском деле, решил связать свою судьбу с морем? Мое представление о море ограничивалось наблюдением за сплавом стволов деревьев, срубленных в Шварцвальде, по реке Неккар, впадающей в Рейн; дальше их транспортировали к морю.

Во время обучения на третьей ступени грамматической школы мне удалось решить несколько математических задач, считавшихся необычайно сложными. С того времени все решили, что у меня имеются математические способности, впрочем, и я сам думал так же. Я специализировался в алгебре, геометрии, науках и современных языках. Очевидно, что я не был лишен и военных способностей. Казалось, все указывало на то, что я могу стать морским офицером.

Я легко принял решение уехать из Вюртемберга и служить Империи. Как сына шваба-протестанта и гессенской матери, меня тянуло в широкий мир. Возможно, существовали и более глубокие причины (о которых я в ту пору не подозревал), которые и привели меня в императорский военно-морской флот. Итак, в один из первых апрельских дней я покинул родные пенаты, отправившись в Киль, и именно там мне было суждено впервые увидеть море.

СЛУЖБА В МИРНОЕ ВРЕМЯ В ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ (1900 – 1914)

Наверное, мой отец предпочел бы видеть меня армейским офицером. Он говорил, что именно пехота решила судьбу Германии в последней войне (Франко-прусская война 1870 – 1871 годов, в которой прусская пехота, несмотря на очень тяжелые потери от огня французских митральез и игольчатых ружей Шасспо, выполняла поставленные командованием задачи. – *Ред.*). Однако он согласился с моим выбором карьеры и даже лично представил меня высшему командованию в Киле. В то время военно-морской флот переживал время расцвета. Лучше других родов войск он выражал единство империи, поскольку здесь сплавились воедино представители всех земель страны. Поэтому мы, младшие офицеры, быстро стали одной командой, и, пожалуй, больше никогда в жизни мне не довелось встретиться с таким чувством товарищества.

Я ощутил флот своим родным домом, близким мне по духу, гораздо быстрее, чем смог привыкнуть к северогерманскому наречию. Суровость военной службы почти не досаждала мне, но я совершенно не понимал плоские сальные шуточки, хотя северогерманский диалект и был родным для моей матери.

Однажды ясной средиземноморской ночью, когда я нес вахту на учебном корабле «Шарлотта» и не смог назвать звезду, штурман выпалил: «Вам бы оказаться на Луне!» Но я не был поклонником Жюль Верна и не оценил скрытый смысл его фразы.

Впрочем, репутация меня мало волновала. Со временем я понял, что в силу своего швабского характера нередко забывал о субординации, недостаточно дистанцируясь от подчиненных или когда слишком хвалил их.

В гимназии я твердо усвоил принцип «*In dubio abstine*» («Сила в сомнении»), поэтому никогда не отличался решительностью. Став же офицером, я начал придерживаться принципа: «Всегда действуй. Лучше поступить неправильно, чем бездействовать». Только гораздо позже мне довелось на собственной шкуре понять, к чему может привести такая «активность» и фанатизм. Пока же я отказывался руководствоваться только порывом, продолжая надеяться на разум. В юности жизнь протекала для меня относительно гладко.

Молодой офицер гораздо меньше задумывается о себе, чем его гражданский сверстник. Вся его жизнь жестко регламентирована уставами и наставлениями, так что приходится только подчиняться командам. Какая-либо инициатива или стремление занять определенную должность недопустимы. Следует подчиняться решениям вышестоящих офицеров и стараться не задумываться о своей судьбе. В моем случае подобная выдержка сыграла мне только на руку.

Вскоре сбылось мое желание увидеть чужие страны. За пять лет службы мне довелось много плавать по Мировому океану, побывать на Дальнем Востоке, в Индии и в Северной Африке. Служба заполняла все время, за исключением кратких стоянок в портах. Правда, далеко не все горели желанием сойти на берег и увидеть что-то новое. Мне довелось встречать многих путешественников, которые в конце своего жизненного пути совсем не сгорали от любопытства и не стремились увидеть еще одну достопримечательность. Мы же пока не были обременены подобным чувством.

Мне трудно выделить, что больше всего поразило меня: может быть, это была мрачная грандиозность фьордов Норвегии, яркие краски Средиземноморья, оживившие мое воображение и напомнившие обо всем, что я изучал в школе о Римской империи, Греции и Египте, или колониальная жизнь в Германской Восточной Африке (современные Танзания без Занзибара, который был английским, Руанда и Бурунди. – *Ред.*), яркие тропики Голландской Вест-Индии, своеобразное очарование императорской Японии или спокойствие и неторопливость Китая.

Когда-то родители устроили для меня частные уроки акварели. Именно благодаря им я не уставал восхищаться представавшими передо мной в этих путешествиях пейзажами, были ли это темно-синие воды бурного Бискайского залива, где солнце играло на гребешках волн, или великолепная игра красок на скалах Гибралтара, в Неаполитанском заливе, храме Ахилла в Корфу, Пик (видимо, господствующая над гаванью гора Даушань, 957 метров. – *Ред.*) в Гонконге или вулкан Ундзен, расположенный неподалеку от Нагасаки (40 с лишним километров к востоку, 1359 метров над уровнем моря. – *Ред.*).

Какое же удивительное разнообразие впечатлений мне довелось пережить – от призрачных поблескиваний северного полярного сияния до тропического великолепия восхода солнца, поднимающегося над долиной Брахмапутры близ Дарджилинга, когда в утреннем тумане вырисовываются громады вершин Гималаев.

Я не получил достаточно разностороннего образования, чтобы судить о великих архитектурных постройках. И тем не менее они отчетливо встают в моей памяти, когда я пишу эти строки. Я вижу величественный и изысканный дворец-крепость Альгамбра в Гранаде, возведенный в XIII – XIV веках маврами в самом центре завоеванной ими пятью веками ранее Андалусии.

Императорский дворец в восточной части Пекина, окруженный мощными пологими стенами, Великая Китайская стена, по сравнению с которой Стена Аврелиана (оборонительная стена вокруг Рима, увеличившая его защищенную площадь в III веке н. э. – *Ред.*) в Риме казалась простой забавой. Храмы и дворцы Пекина поразили меня своим благородством и грандиозностью, восхитительными линиями и пропорциями. Сначала китайское искусство и архитектура показались мне менее значительными, чем японские (японские архитектура и искусство вторичны и развились под влиянием Китая; так, столица и первый настоящий город Японии Нара был построен в 710 году по образцу китайской столицы Чанъяня. Лишь много позже японская культура стала приобретать самобытные черты. – *Ред.*), но спустя некоторое время они все более поражали меня, удивляя великолепным вкусом и безукоризненным чувством пропорций. От них веяло особым внутренним спокойствием, которое свойственно только древним памятникам.

Иногда я даже сомневался, справедливо ли мы навязываем свою западную культуру Дальнему Востоку, должны ли мы посылать туда наших христианских миссионеров, которые далеко не всегда соответствуют своей высокой миссии.

Именно в то время я впервые познакомился с жизнью императорского двора. Двери во дворец открылись после того, как на наш крейсер «Герта» поступил третий сын кайзера принц Адальберт Прусский. Самым примечательным нам показался прием, устроенный императрицей в Запретном городе Пекина. При дворе последней маньчжурской императрицы (Цыси, р. 1835, правила фактически с 1861 по 1908 год; через три года после ее смерти революция 1911 года свергла власть маньчжурской династии Цин, правившей в Китае с 1644 года, в лице малолетнего императора Пу И. – *Ред.*) царил жесткий средневековый этикет. В ее присутствии все, даже послы, были обязаны вставать на колени. Лицо императрицы было покрыто гладким слоем краски, на котором отчетливо выделялись глаза. Рот казался таким большим, что мой приятель Рабе фон Паппенхейм прошептал мне: «Она может целиком съесть стебель спаржи».

Многокомпонентная и торжественная процессия следовала из одних ворот в другие, из комнаты в комнату, одни приветствия сменялись другими, в прием входил и завтрак. Когда он подошел к концу, я заметил, как по сигналу главного лакея официанты собрали наполовину полные фужеры с шампанским и перелили их содержимое через воронку в пустую бутылку. Вернувшись домой, я рассказал об увиденном королю Вюртемберга, пригласившему меня отобедать с ним и поделиться своими впечатлениями. Он рассмеялся и предложил своему управляющему подумать над столь передовой методикой.

С тех пор мне довелось побывать при многих дворах: в Сиаме (Таиланде), Греции, Италии, Испании, Германии, Норвегии и конечно же в Берлине. Ни один из них не мог сравниться по величине и великолепию с китайским.

Ту же самую элегантность мы увидели во дворце в Бангкоке, расположенном посреди шумного и элегантного Сиама (Таиланда). Там я был поражен, увидев среди людей в униформе человека в сюртуке. Сиамский чиновник объяснил мне, что это был американский финансовый советник, оказавшийся единственным иностранцем, с чьим мнением здесь считаются. Нам пожаловали орден Белого слона, говорили, что его обладатель получал право приобрести огромное число жен, для чиновника моего класса их число доходило до двух сотен. Думаю, что это всего лишь домысел.

Отчетливо помню одно происшествие. Это случилось в Калькутте на балу, который давал вице-король Индии лорд Керзон. Находившийся в то время в середине четвертого десятка лет своей жизни, Керзон торжественно принимал гостей в огромном зале, где против дверей располагалось возвышение, на котором стояли два трона.

Я подумал, что один из них предназначен для вице-короля, а другой для принца Адальберта. Каково же было мое изумление, когда Керзон предложил второй трон индийскому магарадже, оставив стоять нашего германского принца. На другой стороне зала, полускрытый рядом колонн, засунув руки в карманы, расхаживал взад и вперед мрачный лорд Китченер. Он полагал, что гости здесь явно неуместны.

Больше всего во время моих путешествий я удивлялся размерам Британской империи, самоуверенности ее правящего класса, разбросанности по всему миру британских баз и силе флота, обеспечивающего связь между этими базами. Мы, морские офицеры, чувствовали, что нас гораздо сильнее тянет к нашим приятелям в Британском военно-морском флоте, чем к представителям других наций. Такое отношение друг к другу было взаимным.

Мы, немцы, считали Британский военно-морской флот эталоном боевых качеств кораблей и эффективности обучения экипажей. Нарращивая свою военно-морскую мощь, мы в известной степени готовились к испытанию наших сил, но никак не могли представить, что однажды настанет день, когда мы вступим в реальную войну друг с другом.

В то время германский флот называли Флотом риска, рассматривая его как защиту от любых непредвиденных случаев. Правительство считало его гарантом нашей сильной, но мирной внешней политики и процветающей внешней торговли.

Жизнь юного германского морского офицера тех дней, если он действительно был увлечен своей профессией, была беззаботной и искрящейся, как воды Кильского залива, но в то же время суровой и беспокойной, как штормовое море. Не стоит и говорить, насколько ревностно мы относились к своим обязанностям. И горе было тому молодому человеку, который думал иначе, для которого морская жизнь ничего не значила. Мы полностью отдавались службе, вдохновленные тем, что именно развивающийся военно-морской флот считался воплощением величия Германской империи и ее главным символом. Особая любовь кайзера к флоту переполняла нас гордостью. Рейхстаг выделял огромные суммы на вооружение флота и строительство новых кораблей. Правда, более консервативно настроенные политики сомневались в необходимости подобных трат, когда на флот уходила половина военного бюджета.

Могла ли империя вынести подобное двойное бремя? Конечно, мы не испытывали недостатка в вооружении, все зависело от количества оружия нашего вероятного противника и определенного времени, которому мы стремились соответствовать. Германская империя, расположенная в центре Европы, в первую очередь ждала нападения с суши, поэтому армия была обязана находиться в постоянной боевой готовности, ибо нельзя было оставить незащищенным хотя бы кусочек наших границ.

На море мы обладали большей свободой выбора. Чтобы защитить североморское побережье и морские границы, требовался флот больших размеров. Вот что, по крайней мере, думали

жители Великобритании, называя наши боевые корабли «роскошью» или «игрушками Вильгельма».

В самом же флоте не имелось четкого представления о том, как нам следует защищаться в морской войне с Англией. С 1909 по 1913 год флотом командовал адмирал Хольцендорф. Его стратегия заключалась в том, что в случае войны следует вывести большую часть флота через проливы Эресунн (Зунд) и Большой и Малый Бельт, базируясь на Киль на Балтике, а затем заманить превосходящий по численности британский флот, поставив его в сложное положение в незнакомых ему водах. Это был образец оборонительной стратегии, направленной на защиту германского побережья и акватории Балтийского моря.

Однако адмиралы в Берлине придерживались другой точки зрения. Они хотели, чтобы флот базировался в гаванях Северного моря, в так называемом «мокром треугольнике» (военно-морские базы на острове Гельголанд, в Вильгельмсхафене и Куксхафене. – *Ред.*), где можно было создать мощную группировку, достаточную для того, чтобы атаковать Англию, предоставив Балтику самой себе. По сути, то, что они советовали сделать, фактически оказывалось оборонительной, а не наступательной стратегией.

Расхождение во взглядах оказалось настолько непримиримым, что примерно в 1911 году сам кайзер почувствовал, что необходимо собрать адмиралов на совещание. Адмирал Хольцендорф, чьим флаг-лейтенантом я являлся, рассказывал мне, что каждая сторона упорно отстаивала свою точку зрения и угрожала отставкой в случае ее неприятия. Внимательно выслушав собравшихся, Вильгельм II поднялся, отодвинул свой стул от стола и велел главе своего кабинета адмиралу фон Мюллеру через сорок восемь часов доложить о соглашении сторон. Так был достигнут компромисс.

К 1914 году, когда началась мировая война, одержали верх сторонники североморской стратегии. Только в ходе войны выяснилось, что обе точки зрения основывались на ложной предпосылке, что Англия станет осуществлять блокаду наших берегов и проводить наступательные действия с этой целью. Причиной столь фундаментальной стратегической ошибки стало отсутствие традиции стратегического руководства войной на море.

Если бы мы осознали ее до начала войны, то смогли бы избежать соревнования между Германией и Англией в строительстве больших боевых кораблей, да и политическое противостояние наподобие того, что случилось в 1911 году, возможно, протекало бы не так остро, и наши попытки достичь взаимопонимания в 1912 году, вполне вероятно, оказались бы более успешными. В данном случае серьезным противником оказался адмирал Тирпиц, строитель германского флота (Альфред фон Тирпиц (1849 – 1930) – с 1903 года адмирал, с 1911 года генерал-адмирал (гроссадмирал), морской министр Германской империи с 1897 по 1916 год. – *Ред.*). Он яростно сопротивлялся любым попыткам нарушить его кораблестроительные программы.

Тирпиц считался одним из самых выдающихся немецких адмиралов, его патриотизм не вызывал ни у кого сомнения, и все же он был противоречивой личностью. Благодаря своим организаторским способностям он и стал строителем германского флота. Как политик он отличался невероятным честолюбием. Со своей расчесанной на две стороны бородой он казался настоящим морским волком. Тирпиц был также известен как первоклассный агитатор.

Со всей риторической яростью (искусство полемики практически тогда не было известно в правительственных кругах) он играл на романтических настроениях масс. Правда, Тирпиц не был оратором. Чтобы не отстаивать каждый год свою идею строительства флота в рейхстаге, он представил многостраничную программу. Заметим, что Тирпиц заранее отвергал любую критику специалистов. Вот почему никто так и не удосужился разобраться, а сможет ли германский флот выполнить свою задачу, если против него будет задействована вся мощь британского флота?

Очевидно, что и сам Тирпиц не до конца представлял последствия своего решения и тот политический ущерб, которым оно чревато. В соответствии с здравым смыслом Германии следовало забыть о морском соперничестве с Англией и прийти к полюбовному соглашению. Однако Тирпиц отвергал саму постановку такого вопроса, зная, что может рассчитывать на поддержку самого кайзера Вильгельма II, если кто-нибудь выразит сомнения в политической благонадежности его догм.

Поэтому во время обсуждения ни Булов (рейхсканцлер в 1900 – 1909 годах), ни канцлер (Теобальд Бетман-Гольвег, рейхсканцлер Германии с 1909 по 1917 год. – *Ред.*) не высказали никаких возражений. Только Гольштейн (пока был жив) пытался выразить свое мнение. Хорошо известно, что он был убежден, что британский лев и русский медведь не придут к соглашению и не объединятся против Германии. (Присоединение в 1907 году России к англо-французской Антанте и отход от союза с Германией и Австро-Венгрией Италии ознаменовали крах политики Фридриха Августа Гольштейна (1837 – 1909), фактического руководителя (до 1906 года) внешней политики Германии. – *Ред.*)

Командующий флотом Хольцендорф, выступивший на конференции, о которой шла речь выше, был главным оппонентом Тирпица. Как образованный человек, он был врагом всяческих догм и бумажной рутины. Будучи прекрасным оратором, он любил приглашать гостей на свой флагманский корабль, когда происходили маневры флота. Обладая замашками светского льва, он слыл дамским угодником. За несколько лет до описанных мною событий на Дальнем Востоке мне довелось наблюдать за ним на купальном пляже в Циндао, где он учил дам плавать, отдавая предпочтение откровенным купальным костюмам.

Являясь командующим флотом, Хольцендорф больше всего любил давать балы на флагманском корабле. Однажды после одного из таких балов я заметил, как он прощается с гостями на сходящих. Одной из последних оказалась хорошенькая английская девушка. Он сказал ей, что, как главнокомандующий, имеет право поцеловать последнюю даму, покидающую корабль, и как сказал, так и сделал.

Сам кайзер не устоял перед обаянием Хольцендорфа и иногда делился с ним своими самыми сокровенными политическими мыслями. Я жадно впитывал услышанное, если удавалось чести присутствовать при подобных разговорах. Самые яркие воспоминания такого рода относятся к 1912 году, когда однажды новый английский морской атташе, по-моему Вильсон, предложил Хольцендорфу прекратить морское соперничество их стран.

Конечно, в связи с этим встала вечная проблема – поможет ли сокращение вооружений установить добрососедские отношения или приведет к новым проблемам. Лично мне эта идея понравилась, но обе стороны так и не оказали друг другу должного доверия.

Только однажды, еще до начала Первой мировой войны, мне довелось услышать мнение молодых офицеров, что мы ошибемся в выборе своей профессии, если хоть однажды не примем участие в сражении. Вместе с тем ни на одном собрании я не слышал разговоров о войне между Англией и Германией, не говоря уже о том, что кто-то желал такой войны. Короче говоря, готовность пожертвовать своей жизнью ощущалась повсюду, но не наблюдались милитаристские наклонности или взгляд на войну как на приятное приключение. Пишущие о таких настроениях занимаются мифотворчеством.

Все сходились на том, что главное – сохранить в целостности наследство Бисмарка, но не более того. Вопрос об овладении новыми территориями даже не ставился. Рано умерший министр иностранных дел Кидерлен-Вехтер говорил моему отцу, который был его старым школьным приятелем, что не позволит вовлечь Германию в новую войну. Его соображения против войны казались неоспоримыми.

Ганзейские города тогда казались мне воплощением мирной жизни. Однажды Хольцендорф взял меня с собой на завтрак в Гамбург, где мэр города, доктор Буркхардт, и глава пароходной линии Гамбург – Америка Баллин говорили о страстном желании во что бы то ни стало

сохранить мир. Баллин безуспешно пытался воздействовать в этом направлении на кайзера. Позже, в Морском кабинете в Берлине, мне довелось прочесть множество его писем, подтвердивших то, о чем мне довелось слышать.

Германии вовсе не нужно было затевать военные действия. После 1871 года наши границы установились и благосостояние народа стало расти. Когда я ездил домой в отпуск и путешествовал с севера на юг, то мой путь пролегал через процветающую страну с множеством промышленных предприятий, где царили спокойствие и порядок. В мирные годы Германия хорошела год от года.

Что же касается моего дома и моих родителей, то перед ними открывались широкие горизонты. В 1900 году мой отец стал министром культуры Вюртемберга, а чуть позже пожизненным премьер-министром.

Для моей матери закончились хлопоты, связанные с воспитанием детей. Всю жизнь она стремилась следовать принципу, унаследованному от своей матери, которая была родом из Бремена: поступай так, чтобы впоследствии не упрекать себя, относись к другим как к себе. Моя мать обладала способностью ненавязчиво направлять людей на правильный путь. С этого и началась ее вторая, теперь уже общественная карьера. Моему отцу оставалось только признать, что она оказалась прирожденной главной фрейлиной.

Именно в «Уединении», нашем доме, расположенном неподалеку от Штутгарта, в 1910 году счастливый случай свел меня с моей будущей женой Марианной Гревениц. Она мне сразу же понравилась, хотя не могу сказать, что я быстро решился на большее, ведь человека часто влечет не разум, а чувство. Сегодня, спустя много лет, мне кажется, что женитьба была залогом моей удачной карьеры. Большого счастья я не мог пожелать.

Вскоре нам стало ясно, что наши судьбы тесно связаны с моей профессиональной жизнью. Наша свадьба должна была состояться осенью 1911 года. Однако разразившийся летом того же года кризис в Марокко едва не вмешался в наши планы. Во время нашего медового месяца на мысе Куллен мы прочитали в шведской газете о предстоящей войне. В те времена обычно говорили о боевых действиях, происходивших в ходе войны Турции и Италии, позже – о Балканских войнах.

Однако теперь не проходило и дня без того, чтобы даже в светской беседе не прозвучало слово «война». Нам приходилось менять свои взгляды. Сорок лет мирной и стабильной жизни испортили нас. Летом 1914 года я думал, что если мы благополучно преодолели несколько кризисных ситуаций, то справимся и с этой.

На флоте мы постоянно критиковали немецких дипломатов, и я не отставал от прочих. В 1914 году немецкая внешняя политика казалась мне слишком нерешительной, и я думал, что мы далеко отстали от добродушных австрийцев в попытке создания союза с ними. Но легкомыслие Извольского (А.Н. Извольский (1856 – 1919) – дипломат, в 1906 – 1910 годах министр иностранных дел Российской империи, в 1910 – 1917 годах посол в Париже. Действия Извольского – оформление в 1907 году Антанты, в 1908 году (боснийские кризисы – и др. способствовали обострению отношений России и Германии с Австро-Венгрией. – *Ред.*), стремление Пуанкаре (Раймон Пуанкаре (1860 – 1934) – президент Франции в 1913 – 1920 годах. – *Ред.*) к реваншу (за войну 1870 – 1871 годы. – *Ред.*) и *dolus eventualis* {Стремление к сиюминутной выгоде (*лат.*).} Грея (Эдуард Грей, лорд Фаллодон (1862 – 1933) – в 1905 – 1916 годах министр иностранных дел Британской империи. – *Ред.*) привели к тому, что разразилась Первая мировая война, доказавшая неуместность немецкой внешней политики. Совершенно ошибочно представлять кайзера Вильгельма II как «поджигателя войны».

Между 1909 и 1912 годами я часто видел кайзера на флагманском корабле, носящем его имя. В течение года он несколько раз посещал нас, и во время столь важных событий я отвечал за его прием и церемонию встречи, а также присутствовал на обеде. Обычно, завершив

прием пищи, офицеры не расходились, оставаясь за столом, поскольку на корабле не было специального помещения для отдыха.

Разговоры часто продолжались за полночь, и обычно их ход направлял сам кайзер. Он обладал живым умом и хорошей памятью, поэтому любая тема сразу же вызвала у него поток ассоциаций. Обычно он быстро реагировал на реплики собравшихся, слыл прекрасным рассказчиком, причем никогда не допускал критики в чей-либо адрес и говорил всегда аргументированно. Он также редко возражал собеседнику, чтобы ненароком не оскорбить кого-либо.

Когда кайзер посещал наш головной корабль и почти ежедневно позже, когда я уже служил в Морском кабинете кайзера в Берлине, мне довелось познакомиться с множеством военных и политических сообщений, вырезками из газет, в которых Вильгельм II делал заметки на полях. Среди них оказалось множество комментариев по политическим вопросам – собранные вместе, они никак не свидетельствовали о том, что кайзер придерживался определенной точки зрения.

Часто его заметки на полях противоречили друг другу и на одной и той же странице встречались совершенно противоположные мнения. Соответствующие министерства, и в первую очередь министерство иностранных дел, считали эти заметки реакцией на событие, а не прямым указанием или приказом.

Похоже, что и сам кайзер так же относился к своим постраничным записям, намереваясь развить их, когда собирался выразить свое мнение словесно. Вот почему публикация заметок кайзера в собрании документов, появившихся после Первой мировой войны под заглавием *Die grosse Politik* {«Большая политика» (нем.)}, вызвала неадекватную реакцию.

Сталкиваясь с мнением других людей, Вильгельм II всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Так, кайзер жаловался, и, возможно, даже был прав, что в 1905 году тогдашний рейхсканцлер Бюлов, которому он сумел возразить, убедил Вильгельма II совершить известный визит в Танжер. Кайзер также утверждал, что в 1896 году его принудили послать «телеграмму Крюгера», вызвавшую столь яростную критику.

Постоянное предпочтение флота другим видам вооруженных сил, возможно, объяснялось тем, что в жилах Вильгельма II текла английская кровь. Находясь на флагманском корабле, кайзер был свободен от ограничений, которым был вынужден подчиняться на суше. В частности, здесь он не должен был рабски следовать предписаниям главного церемониймейстера. «Здесь я сам решаю, что делать», – сказал Вильгельм II однажды, находясь в Согне-фьорде (Норвегия), когда, нарушив все планы, оправился в путешествие на своей яхте «Гогенцоллерн».

Во время своих ежегодных круизов в северных водах кайзер не допускал на борт женщин и вообще не позволял им играть значимую роль при дворе. Хотя при мне Вильгельму II уже было за пятьдесят, было заметно, что он все еще не обтесался, проведя большую часть своей молодости на офицерских пирушках, а не в семейном кругу или среди гражданских лиц.

По мере количественного увеличения флота возрастало и его влияние на внешнюю политику. Наконец стало ясно, что необходимо разрешить постоянный конфликт между требованиями дипломатов и запросами моряков. Если мы не хотим менять свои планы в отношении флота, то следует улучшить наши отношения с Россией и, в частности, более строго контролировать политику Австро-Венгрии на Балканах.

В противном случае нам следовало прекратить увеличение германского военного флота и попытаться прийти к взаимопониманию с Англией. Однако ни одна из данных альтернатив не была принята. Кайзер так и не решился разрубить этот гордиев узел и, как говорили, сделать канцлером Тирпица. Мне кажется, что, если бы на Тирпица возложили столь ответственные обязанности, он в конце концов пожертвовал бы личными интересами в отношении флота и, сократив кораблестроительную программу, ограничился бы постройкой меньшего количества боевых кораблей, чтобы достичь взаимопонимания с Англией.

Похоже, что и сам кайзер больше всего хотел прийти к соглашению с Англией. Его случайные вспышки связывались исключительно с желанием скрыть свои сомнения. Один из французов даже назвал его Гийомом Робким. На самом же деле Вильгельм II был человеком, отличавшимся благими намерениями и прямым характером. Он был буквально потрясен (что, возможно, объяснялось династическими связями), когда в конце июля 1914 года неожиданно разразилась война.

В его памяти еще были свежи воспоминания о свадьбе дочери, где два иностранных монарха, английский король Георг V и русский царь Николай II, шли по разным сторонам от принцессы Виктории-Луизы в факельном шествии. Легко ли было ему смириться с необходимостью воевать с этими монархами? (К тому же родственниками. – *Ред.*)

В июне 1914 года английская эскадра участвовала в Кильской регате, и, возвращаясь, ее командующий, по-моему, это был Гудноу, телеграфировал немецким хозяевам: «Дружба навек». И как же могли властители Европы нарушить мирные соглашения, если Германия и Англия продолжали оставаться друзьями?

В последние недели июля 1914 года я оказался единственным офицером в морском министерстве на Бендлерштрассе в Берлине. В основном мы занимались кадровыми проблемами флота. Наш начальник, адмирал фон Мюллер, сопровождавший кайзера в круизе по северным водам, поведал мне о его большом беспокойстве. По его словам, Вильгельм II думал о дипломатическом решении проблемы или, по крайней мере, о локализации кризиса в отношении с Сербией и ни в коем случае не хотел, чтобы противоречия между Англией и Германией разрастались, и вообще не верил, что подобные отношения возможны.

Доказательство я получил в телеграмме, посланной с его яхты «Гогенцоллерн», где кайзер разрешил флоту действовать только против России в Балтийском море и приказал соответственно изменить мобилизационные планы. Только за несколько дней до объявления войны стали ясны намерения Англии вмешаться. Не приходится сомневаться в том, что, если бы сэр Эдуард Грей служил делу мира, он раньше выложил бы свои карты на стол (Грей уже с 1912 года тайно подталкивал свою страну к войне). Но он сделал явно противоположное. Поэтому и случилось, что даже подозрительный немецкий морской атташе в Лондоне незадолго до начала войны сообщал неверные сведения, что после начала военных действий Англия останется в стороне.

Летом 1939 года я привел этот случай как пример излишней секретности, провоцирующей кризис, в ходе беседы с английским послом в Берлине сэром Невиллом Хендерсоном, указав, что опасно, когда одна сторона держится в неведении относительно намерений другой. Я добавил, что, хотя общественные угрозы могут обострить ситуацию, обычно в ходе дипломатических переговоров никто не хочет высказываться первым.

Правда, Хендерсон понял мою точку зрения и постарался донести ее по назначению. И все же в критические дни 1939 года Англия не смогла прояснить свою позицию. В рассмотренном мною втором случае вина легла все же не на Англию, а на германских политиков, отказавшихся верить, что она вмешается. Ведь они видели мир черно-белым.

В описываемые же мной времена день 31 июля обозначил конец имперского Берлина. Ничто не может оправдать так называемую эру Вильгельма, растранившего все достижения Бисмарка. Все произошло из-за недостатка чувства меры во внешней политике, основывавшейся на соображениях престижа, выразившейся в уже описанном мною нелепом соперничестве с британским военным флотом.

Непрочное положение Германии усиливалось ее географическим положением между подозрительными соседями и постоянным недоверием к союзникам. Чтобы сохранить целостность империи и продолжать мирную жизнь, были необходимы опытные правители, умевшие держать ушки на макушке.

В то же время не только верхушка общества, но и все население Германии находилось в состоянии ожидания, поддерживаемого долгими годами спокойной жизни и чувством собственного превосходства. Правда, вряд ли наши английские соперники не обладали теми же самыми качествами и возможностями. Нам недоставало только чувства меры и твердой политической линии как во внутренней, так и во внешней политике.

С другой стороны, государственная гражданская и военная служба являлись воплощением устойчивости и стабильности. В министерствах и администрации работа выполнялась совершенно незаинтересованно, жалованье было скромным, но едва ли кто-либо жил не по средствам. Все пытались сэкономить, чтобы оставить хоть что-то детям и внукам. Мне лично не довелось ни разу встретиться со случаями коррупции. Парламент и неподцензурная пресса осуществляли эффективную систему контроля над всеми государственными органами власти. Ничто не мешало развитию культуры и науки. Мне даже кажется, что общий моральный уровень был выше во времена монархии, чем в период Веймарской республики, не говоря уже об эпохе Гитлера.

ВОЙНА (1914 – 1918)

В день объявления мобилизации я без труда убедил моего начальника, адмирала фон Мюллера, что, как молодой офицер, я не хочу провести всю войну на Бендлерштрассе. Предвидя возможность призыва, я позаботился, чтобы никто не занял только что созданную должность штабного офицера при втором адмирале третьей эскадры линейных кораблей. Мне ее и отдали.

Я распростился со своим братом Карлом, служившим в министерстве иностранных дел, по телефону. Занимая должность советника в дипломатическом корпусе, он скептически относился к войне, был лейтенантом резерва в полку нашего отца, однако, оказавшись в армии, сражался доблестно и храбро.

Спустя пять недель после нашего телефонного разговора мои родители отправились в Сен-Дье в Вогезах, чтобы привезти его тело в Штутгарт, где Карла и похоронили на Пражском кладбище. Он был их первенцем. Я всегда буду помнить, что память о его службе в министерстве иностранных дел позже сыграла свою роль в моем переходе на дипломатическую службу. Имя моего брата внесено в список погибших на войне дипломатов на мемориальной доске, украшающей здание министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. Мой отец так и не оправился после гибели моего брата; он всегда напоминал слова Карла, что войны можно было избежать.

31 июля, через несколько часов после того, как получил необходимые документы, я без сожаления покинул морское министерство. Расставаясь со мной, моя жена вела себя как подопало дочери солдата. Я несколько раз поднял своего двухлетнего сына Карла Фридриха, игравшего на улице, и затем отправился со своим легким летним багажом на станцию, чтобы сесть в первый поезд, шедший в Вильгельмсхафен.

Позвонив со станции жене, я узнал, что почти сразу после моего отъезда нашли давно потерявшийся золотой браслет, подаренный ей в день нашей помолвки, который мы позже заменили похожим. Эту случайную находку мы сочли добрым предзнаменованием.

Поскольку в то время флот уже находился в пути из Киля в заливы Северного моря, я с трудом добрался до места назначения вовремя. В заполненном народом вокзале Лертер я встретил фон Хакстгаузена, личного адъютанта принца Альберта Прусского. Он предложил мне место в салон-вагоне принца, чтобы я смог совершить комфортабельное ночное путешествие в Вильгельмсхафен. Но я извинился и сказал, что если я опоздаю и прибуду на Северное море на час позже намеченного, то разминусь с флотом и не смогу участвовать в ожидаемом морском сражении, после чего уехал на более раннем поезде.

Другие судили о ситуации более спокойно и корректно. Когда стало известно, что английский флот вступил в войну 4 августа, заместитель командира корабля пришел к нам и заявил: «Теперь нужно достать кинопроектор, чтобы команда не скучала». Мы начали осознавать, насколько оказался прав японский адмирал, говоривший нам на основании своего опыта, полученного в Русско-японской войне 1905 года: «Морская битва сама по себе не представляет ничего особенного, невыносимо только ожидание».

В то время командующим немецким флотом был адмирал Ингеноль, которого я хорошо знал, ибо когда-то он был моим командиром на «Герде». Добрейший холостяк родом из Рейнланда, он пользовался всеобщим уважением за самоотверженность, объективность и чувство товарищества. Не питая никаких иллюзий по поводу его способностей, мы верили ему и чувствовали, что сможем хорошо поколотить англичан. Но он оказался слишком дисциплинированным, чтобы стать вторым Нельсоном.

И все же у нашего флота не было собственного боевого опыта (в 1864 году, во время войны с Данией, прусский флот был разбит 17 марта у острова Рюген датским флотом, кото-

рый позже, 9 мая, у острова Гельголанд разбил и союзный Пруссии австрийский флот. – *Ред.*) За свою короткую историю ему пришлось стрелять только на показательных маневрах в иностранных водах, причем наши соперники уступали нам. Поэтому нам и предстояло доказывать свои боевые способности, выступив против англичан, считавшихся первыми в искусстве морской войны.

Еще после первой инспекции в Вильгельмсхафене я написал адмиралу фон Мюллеру, что флот находится в прекрасном состоянии духа. Однако штаб практически не беспокоился о том, чтобы поддерживать этот высокий боевой дух. Наши военные приказы выглядели, грубо говоря, следующим образом: флоту следовало выйти из Гельголандской бухты и попытаться ослабить врага, нанося ему незначительный ущерб. Затем, при равенстве сил, при благоприятных обстоятельствах вступить в сражение.

Таким образом, Балтийское море было оставлено без внимания. После Русско-японской войны мы стали считать, что в русском флоте отсутствует инициатива и должное руководство. Я сам стал свидетелем того, как после сражения 10 августа 1904 года «Цесаревич», получивший только внешние повреждения (большие потери в личном составе команды, включая адмирала Виттефта. – *Ред.*), спустил свой флаг в гавани Циндао (германская военная база в Китае. – *Ред.*) и позволил себя интернировать, вместо того чтобы попытаться прорваться и присоединиться к своему флоту (у «Цесаревича» практически не было выхода – пробиваться в одиночку в Порт-Артур или Владивосток было равносильно самоубийству. – *Ред.*).

В первые несколько месяцев войны германскому флоту никак не удавалось выманить врага и заставить его сражаться в Северном море. Наконец реализация плана заставила нас признаться, что у англичан не было никакой необходимости в блокаде Гельголандской бухты и нашей базы на острове Гельголанд. Выходы из Северного моря через ЛаМанш и между Норвегией и Шетландскими островами были англичанами уже заблокированы обширными сетями с широкими ячейками.

Осознание необходимости выхода в море и вступления в бой близ английских берегов далеко от немецких баз ставило нас в неблагоприятное положение и определенно противоречило нашим стратегическим планам. Все это стало совершенно очевидным после переговоров Ингенюля и морских стратегов из Генерального штаба.

Тем временем наша армия, находившаяся на востоке, была атакована русскими в Восточной Пруссии, на западе она прошла Бельгию и вторглась в Северную Францию. Должен ли был флот бездействовать? Как мне стало известно от друзей, находившихся в морском штабе, адмирал Ингенюль явно страдал от бездействия. Он распорядился, чтобы флот провел несколько вылазок, быстроходным крейсерам предписывалось подойти к английским берегам и подвергнуть их бомбардировке, вынудив врага выйти в открытое море.

Сложность маневров заключалась в том, что большая часть флота продолжала подчиняться главному штабу. Горько сетуя на подобную разобщенность, мы должны были ответить наши тяжелые корабли в бухту Ядебузен (то есть в Вильгельмсхафен. – *Ред.*). Отмечу, что подобные маневры несли в себе известную долю риска, но не более того. Большие расстояния, разделявшие противоборствующие стороны, были на руку не нам, а противнику, который мог добиться «частичного успеха». Впрочем, так оно и случилось 24 января 1915 года.

Группа разведывательных кораблей без прикрытия дошла до Доггер-банки, то есть практически до середины Северного моря. Возможно, англичане разгадали наш маневр, во всяком случае, крейсера были перехвачены превосходящими силами противника. К сожалению, мы потеряли наш броненосный крейсер «Блюхер». Ингенюля сместили с его поста. Новым командующим флотом был назначен адмирал Поль.

Адмирал Поль был уставшим от жизни человеком с морщинистой кожей. Неизлечимо больной раком, он умер через год после своего назначения, разложив боевой дух флота своей апатичностью. В течение всего 1915 года я не припоминаю ни одного успешного действия гер-

манского флота. Время командующего заполнялось составлением записок по поводу морской войны с Англией. Меморандумы, прекрасно оформленные капитаном Михаэлисом, служили оправданием перед вышестоящим начальством, объясняя, почему, несмотря на все усилия, германский флот так и не смог схватиться с английским.

На земле, как и на море, успех немцев зависел от быстроты натиска. Тогда мы не поверили экономисту Хармсу, заявившему, что война должна продолжаться не более трех месяцев, после чего денежные запасы иссякнут. В 1915 году нам казалось, что война может продлиться в течение длительного времени, приведя к истощению основных сил Центральных держав (то есть Германии и ее союзников. – *Ред.*).

Вступление Италии в войну на стороне наших врагов было плохим предзнаменованием. Помню, как весной 1915 года я отправился на прогулку вместе со своим братом Виктором, только что прибывшим в Куксхафен с фронта, и обсуждал с ним вопрос о том, сможет ли монархия устоять в войне. На наши взгляды определенно повлиял мой отец, который даже летом 1914 года полагал, что нам следует как можно быстрее прийти к изменению строя. Он считал, что надо изматывать противника, всячески избегая столкновений с ним. Такие взгляды все больше отдаляли его от сторонников подводной войны с Англией. Но военные авторитеты все больше и больше склонялись в пользу идеи неограниченного использования подводных лодок.

Так обстояли дела, когда флот перешел из рук больного Поля к решительному адмиралу Шееру. В феврале 1916 года Вильгельм II появился в Вильгельмсхафене, чтобы передать Шееру командование флотом. Обращаясь к нам, кайзер высказал надежду, что подводные лодки добьются выдающихся успехов, «когда их будут использовать в полной мере, насколько позволит политическая ситуация». В качестве примера он привел конницу: «Когда-то их обучили атаковать, но сегодня они заняли позиции в траншеях, поскольку новые условия войны оставили кавалерии исключительно вспомогательные функции». Иначе говоря, все свое время.

Его речь никак нас не впечатлила, ибо все и так знали, что Шеер – это не инертный Поль. Известно было множество историй о нем, когда он был еще юным лейтенантом. Старые приятели даже прозвали его Бобом-терьером в связи с тем, что он любил науськивать своего любимого фокстерьера на своих друзей и особенно на их брюки.

Действительно, Шеер отличался живым характером, активным умом и простотой обращения. Правда, облачившись в адмиральский мундир, он приобрел некоторую степенность, сохранив не мешавшую ему жизнерадостность. Когда работа заканчивалась, он вновь был готов наслаждаться жизнью. Будучи противником всяческих схем, он старался каждую проблему анализировать под новым ракурсом. Офицеры его штаба даже прозвали его *Primesautier* {Импulsiveный (*фр.*)}, ибо нередко он действовал под влиянием порыва. Прежде всего он окружил себя людьми, которых знал и кому мог доверять, такими как Тротта и Леветцов. Поскольку мы с ним были давно знакомы, я снова занял свою старую должность флаг-лейтенанта.

Своей главной задачей Шеер считал возможно быстрое восстановление боеспособности флота. Прежде всего он отменил ряд ограничительных приказов, разрешив командирам свободу маневра. Эта мера позволила провести несколько успешных операций. Конечно, он отчетливо понимал, что его манипуляции вызовут ответные действия со стороны противника. Так оно и случилось в последние дни мая 1916 года, когда к западу от Ютландии, в одинаково удаленном от английских и германских баз районе мы столкнулись со всем английским флотом. Это сражение, вошедшее в историю под названием Ютландской битвы, было серьезным испытанием для каждой из сторон, став величайшим морским сражением в мировой истории.

Тотчас после битвы при Ютландии я составил отчет о том, что видел и пережил на борту флагманского корабля «Фридрих Великий», чтобы потом использовать свои сведения. В последнем предложении описания говорилось: «Провидение было явно благосклонно к нам».

Выходя 31 мая из порта, мы не верили, что повстречаемся с неприятелем. Внимание Шеера было целиком сосредоточено на тривиальном происшествии: он размышлял над укреплением двери на юте, чтобы она не гроыхала, ибо в прошлую ночь грохот мешал ему спать, и он вовсе не хотел, чтобы ситуация повторилась.

Когда я принес ему первое сообщение с дозорного судна о появлении английских кораблей, он отправился на капитанский мостик в спокойном состоянии, сохраняя такое же хладнокровие на протяжении всей битвы. Скоро он перешел из своей стальной конической башни на открытую палубу и оставался там, утверждая, что отсюда лучше видит поле битвы. В этой величайшей в истории морской битве отработанная нами в мирное время манера действовать оказалась весьма полезной.

Когда 1 июня мы вернулись обратно в Вильгельмсхафен, я телеграфировал домой: «Мы довольны своими действиями». На самом деле я еще не понял всей значимости произошедшего. Во время битвы Шеер сказал членам своего штаба: «Если мы проиграем, меня отправят в отставку».

На следующее утро, когда мы узнали о своих потерях, но еще не имели полного представления об ущербе врага (произошло это примерно в четыре часа утра), Шеер сказал мне: «Я пригласил на следующую субботу генерала фон Герингена. Сегодня мне пришлось отменить приглашение». Я же думал совсем о другом и не мог понять, как нам следует оценить исход битвы.

Конечно, не в первый раз противники покидали поле сражения, зализывая раны, не представляя, какого результата на самом деле удалось достичь. Мы искренне радовались, что плохая видимость на море, случившаяся 1 июня, обеспечила нам защиту. Наши самые мощные корабли так серьезно пострадали, что я писал в то время: «Мы действовали единственно возможным путем».

Правда, и наш враг, имевший почти двойное преимущество, пострадал не менее сильно. Когда мы получили достоверные данные о потерях англичан, Шеер подошел ко мне и сказал: «Теперь я не вижу никаких препятствий для того, чтобы после случившегося генерал фон Геринген отобедал с нами. Мы оставим наше приглашение в силе». Спустя несколько часов, когда мы вошли в бухту Ядебузен, по приказу Шеера на корабельный мостик вынесли бокалы с шампанским, и адмирал первым делом помянул погибших. Фактически английский флот потерял вдвое больше людей и кораблей, чем германский. (Английский флот потерял 3 линейных крейсера, 3 броненосных крейсера и 8 эсминцев, 6097 человек убитыми, 510 ранеными, 177 пленными, что составляло 11,4 процента от общей численности личного состава; германский флот потерял 1 линейный корабль (устаревший), 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера и 5 эсминцев, 2251 человека убитыми, 507 ранеными, что составляло 6,8 процента от общей численности личного состава. – *Ред.*)

В отправленном кайзеру телеграфном отчете, составленном на борту до вхождения в гавань, содержались только конкретные факты. Широкой общественности не довелось узнать о потере линейного крейсера «Лютцов» и еще одного корабля (устаревшего линкора «Поммерн». – *Ред.*). Позже выяснилось, что умолчание о потерях было ошибкой. О погибших кораблях вскоре стало известно из английской прессы, что снизило впечатление от наших успехов.

Замечу, что и наши противники столь же неумело преподносили новости. Германский отчет о битве был опубликован за двадцать четыре часа до английского, поэтому именно он и вызвал резкую реакцию в мире. Сообщения, которыми разразились английские адмиралы, оказались настолько косноязычными, что Уинстон Черчилль, бывший в то время ни более ни менее как первым лордом адмиралтейства, решил лично доложить парламенту о случившемся. В своей речи он попытался смягчить негативное впечатление, которое произвел рапорт военных.

Сам же я в начале июня еще не понимал, насколько широко впоследствии осветят это событие. Прибывшие в тот вечер две поздравительные телеграммы я считал необязательными, однако на следующей неделе мне пришлось почти непрерывно отвечать на благодарности, направленные в адрес Шеера. Вскоре нас посетил сам кайзер и другие королевские особы.

На одном из вечеров после битвы на нашем офицерском собрании присутствовали прибывшие из Берлина адмиралы. Вскоре заговорили о том, как командующий использует разработки берлинских теоретиков тактики. Когда слово предоставили Шееру, он уже серьезно выпил и сказал: «Моя идея? У меня не было никакой идеи. Я только хотел спасти бедный «Висбаден». И тогда я подумал, что лучше всего будет запустить крейсера на полной скорости. А дальше все случилось само собой, как с девственницей, ожидающей ребенка». На что Хольцендорф ответил: «Но вы должны иметь в виду, Шеер, что кто-то обязан ответить за случившееся с девицей».

В рапорте, составленном мною после битвы, я воздал особые почести в связи с победой капитану фон Левецову и начальнику штаба Тротте. «Нет никаких оснований, – писал я, – пытаться понять, какой части успеха мы обязаны командующему флотом, ибо, взяв на себя ответственность, он действовал в соответствии со своими наклонностями, а не подчиняясь хладнокровному и логически выстроенному плану. Он действовал подчиняясь исключительно обстоятельствам». Если бы Шеер потерпел поражение, то вина была бы полностью возложена на него.

Летом 1916 года – скорее всего, это было примерно 18 августа, после того, как наши корабли оправились после повреждений, причиненных им в Ютландской битве, – Шеер снова повел флот на запад по направлению к Англии. Один из наших разведывательных кораблей столкнулся с врагом. Ошибки в сообщении о положении противника направили флагманский корабль по ложному курсу. Поэтому великая битва не состоялась.

Расстроившись, я писал в конце сентября 1916 года: «Флот упустил предоставившиеся ему благоприятные возможности, имевшиеся в течение первой половины войны, так что теперь едва ли мы сможем наверстать упущенное. Офицеры собираются и говорят только о политике».

Скоро единственной темой стало обсуждение подводной войны. Фактически она стала центральной проблемой нашей военной политики. Гинденбург и Людендорф, как самые влиятельные личности в Германии, несмотря на успехи в наземной войне (осенью 1916 года, после того как фактически захлебнулось германское наступление под Верденом, а союзники осуществили блестящий Брусиловский прорыв и операцию на Сомме, стало ясно, что поражение Германии и ее союзников не за горами, что и произошло, несмотря на события 1917 года в России, лишь оттянувшие неизбежное. – *Ред.*), никак не могли нанести решающий удар против Британских островов.

Поскольку германскому надводному флоту так и не удалось эффективно противостоять британскому Гранд-Флиту, единственной возможностью для Германии оставалось использование подводных лодок. Тем временем совершенствовались и английские оборонительные силы, направленные на защиту от подводных лодок. Но подводная война, которая велась по традиционной схеме (надо было предупреждать, спасать и т. д. – *Ред.*), оказалась недостаточно эффективной, что привело к потере множества подводных лодок.

Для достижения решительных результатов германским подводникам пришлось без предупреждения отправлять на дно любое судно, оказавшееся в британских водах. Однако имел ли такой метод политический эффект, адекватный военному или экономическому ущербу, нанесенному противнику? По этому поводу мнения расходились.

Сторонники неограниченной подводной войны в нашем морском штабе заявляли: «Совсем скоро, возможно уже через шесть месяцев, мы потопим такое количество торговых кораблей с их тоннами грузов, что Англия должна будет капитулировать. Если Америка действительно вступит в войну, ее помощь достигнет Европы слишком поздно».

Сам же я считал, что подобные прогнозы неверны. Проанализировав точки зрения статистиков и суждения более умеренных по взглядам командиров подводных лодок, я пришел к выводу, что нам потребуется не шесть, а не менее восемнадцати месяцев успешных действий подводных лодок, чтобы истощить Англию. Но кто среди нас мог на самом деле гарантировать, что мы выполним поставленную задачу?

Более очевидным для меня казалось, что мы, представители морского флота, не выйдем за пределы наших экспертных и технических рекомендаций и не предпримем никаких подобных действий. Но разве это не могло быть сделано в тот или иной год войны? Думаю, я оказался единственным членом нашего морского штаба, возражавшим против запуска неограниченной подводной войны.

В то время мой отец часто говорил, что, если бы у него были деньги, он построил бы в Вюртемберге сумасшедший дом, чтобы поместить туда всех, кто помешался на подводных лодках. Ту же самую идею он преподнес, правда в более деликатных выражениях, и канцлеру. Фактически тот бросил бразды правления в сентябре 1916 года, оставив выбор за Верховным главнокомандованием армии, судившим обо всем происходящем исключительно с точки зрения военных. 1 февраля 1917 года началась подводная война. В качестве благодарности Бетман-Гольвег получил *сoup-de-grâce* {Последний удар (*фр.*)} спустя несколько месяцев.

Мне довелось находиться в отпуске, когда Михаэлис, ставший новым канцлером, принимая дела, совершал свой официальный визит в Штутгарт. Мы принимали его и развлекали в нашем доме «Уединение». Лучшим свидетельством произведенного на нас впечатления может служить история, часто рассказывавшаяся впоследствии в нашей семье. Моя мать отправилась спать, и ей приснился кошмар, от которого она со страшными мучениями очнулась и закричала: «Только не это!»

Начало революции в России вскоре после объявления неограниченной подводной войны (с 1 февраля 1917 года. – *Ред.*) дезорганизовало некоторых сторонников новой стратегии. «Если бы мы только знали, что это произойдет, – заявляли они, – мы бы не заставили Америку воевать против нас».

Консерваторы считали, что Америка в любом случае выступит против нас. Но кто в самом деле мог в то время доказать подобное? И кто взял бы на себя право говорить о приобретении нового и могущественного противника, обладавшего огромным военным потенциалом? Думаю, что то, что было сделано по отношению к Америке зимой 1916/17 года, повторилось похожим образом в отношении России летом 1941 года.

В первые шесть месяцев неограниченной подводной войны Верховное главнокомандование становилось все более и более пассивным. Летом даже случился небольшой мятеж на одном из кораблей, ставший предвестником того, что случилось осенью 1918 года. Действительно, неприятель нес серьезные потери в тоннаже потопленных нами судов. Но вместе с тем он никак не собирался капитулировать или даже вступать в переговоры.

Тогда я казался штабным *beta noire* {Белая ворона (*фр.*)}, ибо все знали, что я не был расположен к подводной войне. Свое неодобрение я выражал как в своих письмах, так и устно, причем достаточно откровенно. Поэтому я был рад, когда меня направляли с разными поручениями. Так, мне приказали принять участие в рейде крейсеров «Брюммер» и «Бремзе», посланных найти и уничтожить конвой у Шетландских островов. Позже я стал офицером по навигации на броненосном крейсере «Фон дер Танн». К этому кораблю я испытывал особые чувства, поддавшись обаянию его командующего Моммзена, сына известного историка (Теодор Моммзен (1817 – 1903) – историк Древнего Рима. – *Ред.*).

Именно на борту «Танна» мне довелось принять участие в последней дерзкой вылазке под командой Шеера. Правда, несмотря на необычайно благоприятные погодные условия и великолепную видимость, нам не удалось вступить в контакт с врагом. Для меня это был последний поход в открытое море. Вскоре меня снова отозвали в морской штаб.

Когда штаб оказался не в состоянии управлять своими силами в буквальном смысле этого слова, он приступил к реорганизации. Деятельность флота фактически оказалась *raison d'être* { Лишенная смысла (*φρ*). }. Во всяком случае, высшие чины были сокращены под предлогом нехватки кадров для подводных лодок, торпедных катеров и минных тральщиков. Иначе говоря, это были «лейтенанты-командиры», как мы их тогда называли, и война под командованием младших офицеров. Большие корабли использовались только для обеспечения безопасности прохода меньших по величине кораблей через минные поля в Гельголандской бухте.

Мне казалось, что весеннее наступление 1918 года будет успешным. С наших плеч упало бремя войны на Восточном фронте (благодаря Октябрьской революции 1917 года и Брест-Литовскому сепаратному мирному договору, подписанному 3 марта 1918 года ленинским правительством. – *Ред.*). Я по-прежнему надеялся, что наступит компромиссный мир, но после первоначальных успехов (немцы, перебросив с Восточного фронта большие силы, продвинулись на 84 километра) наступление остановилось. Даже оптимисты начали сомневаться в необходимости продолжения военных действий. Полагали, что нам следует изыскать пути и способы экономии наших сил.

Морское командование впервые задумалось о взаимодействии с Высшим армейским командованием, похоже, что и оно озаботилось той же самой проблемой; по крайней мере, в морском штабе заверяли, что в ближайшее время контакт будет установлен. Министерство, которому должны были подчиняться все германские войска, могло расположиться только в Генеральном штабе армии, считавшемся тогда важнейшим правительственным учреждением, включая и ведомство нового государственного канцлера Гертлинга (Георг Гертлинг (1843 – 1919) – рейхсканцлер с ноября 1917 по 3 октября 1918 года. – *Ред.*). Из-за постоянно утомленного выражения лица военные прозвали его «пятиминутным прожектором», по аналогии с прибором, который включался только на пять минут.

Учреждение военно-морского министерства означало упразднение Генерального морского штаба в адмиралтействе штаба и его главы – моего старого начальника Хольцендорфа. По отношению к нему это оказалось даже справедливым, поскольку в то время Хольцендорф страдал от тяжелого недуга, который вскоре свел его в могилу. Ему нужен был добрый друг, в котором всегда нуждается человек, занимающий высокое положение, и которому уже было далеко за шестьдесят. Именно такой друг и мог открыто сказать Хольцендорфу о том, что пришло время его добровольной отставки.

Волей обстоятельств именно мне пришлось выступить в роли такого доброжелательного друга. Исключительно по своей собственной инициативе и полагаясь на те добрые чувства, которые он всегда питал ко мне, я написал ему, что в связи со сложившимися обстоятельствами и исключительно в его интересах было бы хорошо, если бы он оставил свой пост. Не знаю, удалось ли мне найти подходящие слова. В любом случае уверен, что Хольцендорф должен был видеть в моей записке только дружеское послание. Вскоре после этого мы обсуждали сложившуюся ситуацию в Спа. Хотя адмирал продолжал вести себя в своей традиционной старомодной манере, дружеские отношения между нами никогда больше не восстановились. Все же я навсегда сохраню в памяти благодарность по отношению к нему.

Именно в Спа расположилось только что сформированное министерство, которому предстояло управлять войной на море. Я же был назначен на должность офицера связи в штабе Гинденбурга (Пауль фон Гинденбург (1847 – 1934) – генерал-фельдмаршал (1914), с августа 1916 года – начальник Генштаба, с 1925 по 1934 год – президент Германии. – *Ред.*). До этого мне не доводилось встречаться с ним. Отправившись с докладом в его выдвинувшийся вперед штаб в Авене, я увидел его выходящим из скромной виллы, находившейся там же. Его мощная фигура заполнила весь дверной проем, и я был буквально потрясен его запоминающейся внешностью. Позже мне казалось, что к его достоинствам как раз и относится впечатление, какое он производил своим появлением.

В тот же вечер я занял свое место в штабе Гинденбурга. После обеда фельдмаршал пригласил меня и другого морского офицера, капитана фон Бюлова, на личную беседу. Вскоре мы перешли к крайне важной теме, связанной с влиянием морских сил на ход войны. Несмотря на питаемое нами обоими уважение к нашему хозяину, мы вскоре начали спорить, и Гинденбургу пришлось признать, что именно английские морские силы способствовали поражению Наполеона.

Возможно, из-за голубой морской формы в Генштабе меня долго считали чужаком. Самой благоприятной рекомендацией оказалось то, что я был зятем генерала Гревеница, в течение нескольких лет бывшего военным представителем Вюртемберга в Генштабе. Он пользовался особым уважением у Гинденбурга, хотя и относился к высшей аристократии.

Сам же я заступил на свою новую службу в неблагоприятный момент. Несмотря на весь героизм, проявленный командами, использование подводных лодок оказалось неудачным, или, если говорить конкретно, они не смогли предотвратить высадку американского контингента в Европе. Так случилось, что моим первым днем в Авене стал день 8 августа 1918 года, когда армии было суждено последний день наступать на Западном фронте. (Если точнее, 8 августа – день, когда германская армия лишилась последних надежд на наступление, поскольку союзники остановили германское наступление еще 17 июля на Марне («вторая Марна»), а 18 июля – 4 августа отбросили немцев к северу, на линию Фонтенуа – Суасон – Реймс. 8 же августа началась Амьенская операция (8 – 13 августа) союзников, в ходе которой выявился надрыв боеспособности немцев, истощение германской армии и утрата всякой надежды на победу. 8 августа англичане и французы, поддержанные 511 танками, продвинулись на глубину до 11 километров, взяв в плен 16 тысяч немцев и захватив 400 орудий. Многие немецкие штабы дивизий были захвачены врасплох прорвавшимися танками. 8 августа Людендорф назвал «самым черным днем германской армии в истории мировой войны». – *Ред.*)

С того дня мы постоянно отступали. Три месяца моей службы были наполнены горестными воспоминаниями. Тогда второе печальное событие летом поразило мою семью. Мой шурин Рихард пал смертью храбрых вместе со своей батареей, незадолго до этого его брат Карл утонул со своим торпедным катером в Северном море. Третий брат Фриц был серьезно ранен, впоследствии он увековечил своих братьев в поэзии и живописи.

Моя комната в Авене располагалась прямо под кабинетом Людендорфа (Эрих Людендорф (1865 – 1937) – земляк (оба родились в Познани и рядом) и непосредственный помощник Гинденбурга; с августа 1914 года фактически руководил действиями германских войск на Восточном фронте, а с августа 1916 года, став генерал-квартирмейстером Верховного главнокомандования германской армии, – действиями всех вооруженных сил страны. – *Ред.*). Неудачная конструкция дома позволяла услышать все, что говорилось в комнатах, расположенных наверху. Даже не желая того, я мог нечаянно услышать беседу генерала по телефону. Я также пристально наблюдал за тем, как он управлял действиями наших войск на Западном фронте. Очевидно, что эта ноша оказалась для Людендорфа слишком обременительной. Штаб нередко критиковал его действия. Впрочем, никто не оспаривал феноменальную работоспособность Людендорфа и быстроту принятия им решений.

Один из наших ассистентов майор Герман Гейер, мой приятель с детских лет, рассказал мне следующую историю, проливающую свет на характер Людендорфа. Тогда Гейер разрабатывал для генерала весьма многословную директиву по тактике оборонительного боя. Сначала Людендорф колебался, стоит ли ему подписывать этот документ, тогда Гейер объяснил ему, что инструкция неплоха и что нужно только, чтобы кто-нибудь принял на себя ответственность. При слове «ответственность» Людендорф тотчас схватил ручку и подписал требуемое.

Именно благодаря моему другу Гейеру, чей ум Людендорф назвал в своих мемуарах «острым как бритва», я смог совершить несколько поездок на фронт. Увиденное мною, в том числе царившее в войсках настроение, убедило меня в том, что конец войны не за горами. Однако

труднее было преподнести это третьей стороне – командирам нашей армии, нацеленным только побеждать.

Размышляя сейчас, я задаю себе вопрос: разве это не было лучшим временем для наших миротворцев? Что касается министерства иностранных дел, то оно уже сделало шаг в этом направлении. Новый министр Гинце с самого начала придерживался той же точки зрения, что и его предшественник Кульман. Однако, как и его предшественник, он не смог переубедить армейское командование в Спа.

В то время многие говорили о необходимости смены канцлера, в числе возможных кандидатов на этот пост несколько раз упоминали имя моего отца. Сам он возражал против этой идеи, вероятно, из-за внутренней политической ситуации в Пруссии, от которой он дистанцировался как вюртембержец. Кроме того, он четко понимал, что даже в вопросах, связанных с мирной политикой, он, став канцлером, очень скоро станет зависеть от мнения ведущих генералов. Поэтому в качестве канцлера его влияние на иностранную политику окажется только эфемерным и бесполезным. Действительно верно, что в то время германскую политику определяли именно военные руководители.

Правда, сомнительно, что военными методами можно было добиться эффективных результатов в политике. Хотя все происходящее в штабах в описываемое мною время напоминало падение в пропасть, оно оказалось лишь частью предрешенного хода истории. Конец уже был известен. В данной исторической драме актерам приходилось только играть уготованные им роли. Пытаясь сохранить свое достоинство, они никак не могли изменить ход событий.

Принимались трудные, мучительные решения как военного, так и политического характера. Спокойствие Гинденбурга, остававшегося на своем посту, и его отношение к интригам стали примером для всех нас. Я никогда не видел, чтобы он пытался переложить на кого-либо свою ответственность за происходящее. Гинденбург практически не реагировал и на ошибки других, оставаясь верным своим принципам до конца, даже когда в стране началась революция и в Спа появились грузовики, набитые солдатами с красными флагами. Похоже, что и Гинденбург, и его собственный штаб не понимали серьезности происходящего.

После того как я пробыл в штабе в течение двух или трех недель, я заметил, что не могу определиться с собственной точкой зрения, «хотя мне неловко видеть, как за столом оказывают больше уважения Людендорфу». Как человек со стороны, я поддался обаянию Гинденбурга, более беспристрастно, реалистично и спокойно воспринимавшего все происходившее в эти критические недели, чем Людендорф. Он все время пытался вмешаться, предлагал решительные действия, выпуская свою неумную энергию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.